

Е. М. Матвеев (СПбГУ / ИЛИ РАН)

А. С. Смирнова (ИЛИ РАН)

**СОИМЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ В «РИТОРИКЕ»
М. ЛОМОНОСОВА: ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ
РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПОЭТИЧЕСКАЯ
ПРАКТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА**

Статья посвящена приему обыгрывания антропонимов в русской поэзии XVIII в. Прием уподобления героев соименным персонажам обнаруживается в барочной восточнославянской риторике и поэзии XVII в. и еще раньше — в произведениях античной, христианской и новолатинской словесности. В статье рассматривается, как этот прием описан в «Кратком руководстве к красноречию» М. Ломоносова, ориентировавшегося на примеры из риторического трактата Н. Коссена, и какое развитие в панегирической поэзии XVIII в. получил один из приведенных в риторическом руководстве примеров.

Ключевые слова: антропонимы, риторика, русская панегирическая поэзия, XVIII век

Е. М. Matveev (SPbU / Institute for Linguistic Studies, RAS)

A. S. Smirnova (Institute for Linguistic Studies, RAS)

Characters of the Same Name in M. Lomonosov's "Brief Guide to Eloquence": the Foregoing Rhetorical Tradition and the Poetical Practice in the 2nd part of the 18th century

The article focuses on the method of playing with names (*topos ἀπὸ τοῦ ὀνόματος*) in Russian poetry of the 18th century. The assimilation of characters to the same-name heroes is revealed in the baroque East Slavic rhetoric and poetry of the 17th century and even earlier — in the ancient, Christian and Neo-Latin literature (E. Curtius, H. Keipert, L. Sazonova). The authors of the article examine how the *argument from the name* was described in M. Lomonosov's "Brief Guide to Eloquence" and in its source, N. Caussin's "De eloquentia sacra et humana". There are two groups of examples of the arguments. The first group is where the characters of the same names have the same destiny and the second one is where the same name does not influence the fate. The curious quantity of four mythical Actaeons in Lomonosov's treatise gets its explanation in Caussin's guide to rhetoric. Though rhetoricians had considered this *topos* an unconvincing argument, one of the rhetoric examples was then developed in Russian panegyric literature. Some poetical fragments (from

A. Sumarokov, V. Petrov and G. Derzhavin) where the method of playing with the name *Constantin* is represented show that the rhetorical logic was not topical for the poets and they even could use the topos from the name for the political project of Catherine the Great.

Keywords: anthroponyms, rhetoric, Russian panegyric poetry, 18th century

1. Заметным приемом поэтического языка русской панегирической поэзии XVIII века является обыгрывание антропонимов, относящихся к соименным героям: так, русские императоры и члены их семей могли уподобляться своим небесным покровителям (Павел I — апостолу Павлу, Александр Павлович — Александру Невскому, Михаил Павлович — архангелу Михаилу и т. д.) или соименным историческим деятелем прошлого (в частности, великий князь Александр Павлович мог сопоставляться с Александром Македонским). Истоки этого приема, как показала Л. И. Сазонова, можно обнаружить в барочной восточнославянской риторике и поэзии XVII века (Sazonova 2002). Исследовательница продолжает наблюдения над видами актуализации внутренней формы имени, сделанные в середине прошлого века Э. Р. Курциусом на материале античной, христианской и новолатинской литературы и риторики (Curtius 2021: 145–153), а позднее Г. Кайпертом на материале русской словесности XVII века (Keipert 1988). В статье «Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян» Сазонова выделяет характерные особенности этимологизации имени, а также обращает внимание на связанные с этим приемом случаи смыслового обыгрывания соименных героев: «Этимологическое истолкование как источник похвалы или поношения окружало имя семантической аурой, которая еще более расширялась при сочетании с уподоблением реальных лиц преимущественно христианским святым или библейским персонажам. Поэтика двоящегося образа, берущая начало в принципе отражения <...>, использовала *имя как аллегорию*. Имя царя Алексея Михайловича — также имя Алексея Человека Божия. Зеркальное отражение имен святого и царя-тезки образует лестный для царя аллюзивный образ, и святой выступает уже не только как самостоятельный персонаж, но как аллегория» (Sazonova 2002: 11). Сазонова приводит и другие примеры уподобления царей их небесным покровителям: Федора Алексеевича сопоставляли с Федором Стратилатом,

Ивана Алексеевича — с Иоанном Предтечей, Петра Великого — с апостолом Петром (Sazonova 2002: 11–12).

Из XVII века традиция уподобления героев соименным персонажам переходит в риторiku и поэзию XVIII века. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим: 1) как этот прием описан в важнейшем восточнославянском риторическом трактате — в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова (в § 83); 2) каковы источники примеров соименных персонажей, приведенных в этом параграфе (прежде всего, загадочных *четырёх Актеонов*); 3) какой из приведенных Ломоносовым примеров «соименства» получил развитие в дальнейшем в русской панегирической поэзии XVIII века.

2. В § 83 «Краткого руководства к красноречию» Ломоносов рассуждает о доказательствах, выведенных из имени, и выделяет три вида: 1) доказательство через «наклонение частей слова», т. е. с использованием однокоренных слов; 2) доказательство «от первообразных речений», т. е. при помощи этимологии; 3) доказательство через «одноименных», в жизни которых обнаруживается что-то общее. Второй вид доказательства Ломоносов не считает неоспоримым, но допускает «некоторую вероятность» и приводит пример: слово «бог» происходит от слова «бег»/«бежать» в греческом, русском, немецком языках, следовательно, древние греки, славяне и немцы считали богами то, что находится в постоянном движении, «то есть солнце, луну, звезды или великие реки» (Lomonosov 2011: 125). Третье же доказательство, по мнению Ломоносова, «не имеет никакого основания и совсем тщетно», однако именно ему посвящена большая часть параграфа. Приведем его полностью: «Когда представляется несколько одноименных, которые имели подобные свойства или приключения, и потому и о прочих того же имени то же заключается, то не имеет никакого основания и совсем тщетно. Ибо, хотя четыре Актеона несчастливый конец имели, как Плутарх в житии Серториювом пишет, что один был от своих псов растерзан, два от диких вепрей убиты, четвертый присущим зелием напоен был и, от того взбесившись, умер, и хотя примечено, что римские кесари, которые Каии назывались, несчастливо умерли, однако из того не следует, чтобы тому же и с другими одноименными случаться должно было, ибо весьма многие примеры противное тому показывают. Константин Великий в Царе-граде утвердил греческую империю, но, напротив того, на Константине Палеологе она окончилась, и между

тем были другие государи того же имени, которых ни тому, ни другому уподобить нельзя» (Lomonosov 2011: 125–126).

3. Обращает на себя внимание первый пример об Актеонах. В упомянутой Ломоносовым биографии Сертория («Серторий и Эвмен»), сочиненной Плутархом, рассказывается не о четырех, а только о двух из них: «Иные люди охотно отыскивают в исторических книгах и устных преданиях примеры случайного сходства, которые могут показаться порождением разумной воли и провидения. Таковы истории двух Аттисов — сирийского и аркадского (оба они были убиты вепрем), такова судьба двух Актеонов (одного из них растерзали собаки, а другого — любовники) или двух Сципионов: сперва один Сципион одержал победу над карфагенянами, а затем второй окончательно разгромил их»¹.

Судьба двух убитых вепрем Актеонов, о которых говорит Ломоносов, имеет сходство с судьбой Аттисов, также упоминаемых Плутархом. Но кажется маловероятным, что можно было спутать имена «Актеон» (Ἀκταίων, Actaeon, Aeteon) и «Аттис» (Ἄττις, Attis).

Энциклопедические словари и справочники с разной степенью подробности различают трех Актеонов, из них один — мифический правитель Аттики, другой — охотник, растерзанный своими собаками, третий — несчастный, погибший от преследований влюбленного в него Архия². Помимо историй Плутарха в античной традиции существует ряд версий о растерзанном охотнике Актеоне (Hyg. Fab. 180; Eur. Bacch. 337–340; Apollod. III 4,4; Paus. 9.2.3 (Stesichor.); Ovid. Met. 3,138; Diod. Sic. 4.81.4). Они различаются между собой причиной, по которой охотник терпит страдания от своих же собак: 1) дерзкий Актеон видит нагую богиню, 2) хочет жениться на ней, 3) соревнуется с ней в искусстве охоты. Варианты также касаются и способа превращения в оленя: 1) Актеон обращается оленем, попав на охоту Артемиды, 2) превращен божеством в оленя, 3) Артемида накидывает ему на плечи шкуру оленя. Также варьируется и каратель (разгневанная Артемида или ревнивый Зевс). Однако измененные детали мифа не создают новое лицо, нового героя, более того, некоторые считают, что

¹ Plutarch 1994: 5. Ср. также: Pseudo-Plutarch 2014: 460.

² Напр., Wentzel 1893: 1209–1212.

второй Актеон, погибший от возлюбленного, — это видоизмененный миф об Актеоне-охотнике³.

Отмеченная М. И. Сухомлиновым параллель к ломоносовскому фрагменту у Н. Коссена — в четвертой книге его руководства «О духовном и светском красноречии» — позволяет увидеть, что Ломоносов действительно не «придумал» четырех Актеонов⁴. Рассмотрим фрагмент про Актеонов: *Plutarchus, in Sertorio quatuor Actaeonas numerat, infelici nomine & exitu. Primus laceratus est a suis canibus : duo apri occursu perempti; Syrus unus, alter in Arcadia : tertius, in Boeotia a canibus disceptus : amatorius furor ultimum laniavit (Caussinus 1630: 225)*⁵. Если подсчитывать Актеонов Коссена так, как они представлены, то кажется, что в тексте перечисляются не четыре человека, а пять: первый растерзан своими собаками, два (один сириец, другой аркадянин — значит, второй и третий) разорваны вепрем, *четвертый* (у Коссена он пронумерован третьим) в Беотии разорван собаками, любовная страсть убила последнего.

Однако мы не можем отыскать никаких следов других Актеонов, кроме уже упомянутых нами выше. Мог ли Коссен здесь преувеличить или, более того, сбиться в подсчете Актеонов?

Нет сомнений в том, что ученые эпохи Возрождения не могли себе позволить выдумывать дополнительные мифы или персонажей. Вероятно, при составлении этого фрагмента Коссен отвлекся. Рассчитывая убедительно изложить “*fatalem quendam nominum cum rebus consensum*” (роковое сочетание имен и событий), он сначала описал судьбы Актеонов и Аттисов, не называя их имен, причем между Актеонами оказались Аттисы. Перейдя с порядковых числительных на количественные и задержавшись на происхождении героев (как у Плутарха в описании Аттисов), Коссен продолжает считать и нумерует «третьим» снова первого Актеона, растерзанного собаками в Беотии. Последним стоит Актеон, о коринфском происхожде-

---

³ Lübker 1885: 15–16.

⁴ Sukhomlinov 1895: Прим. 365.

⁵ ‘Плутарх в «Сертории» перечисляет четырех Актеонов с несчастливым именем и кончиной. Первый был растерзан своими собаками; двое убиты от столкновения с вепрем; один сириец, другой в Аркадии, третий в Беотии разорван собаками; последнего погубило любовное исступление’ (здесь и далее перевод цитат из Коссена А. С. Смирновой).

нии которого Коссен не упоминает. Затем, видимо, вернувшись к своему тексту, Коссен вставляет ссылку на Плутарха и подсчитывает всех Актеонов⁶.

У Коссена обсуждаемый здесь пример включен в главу «О происхождении и этимологии имен» (Causinus 1630: 224–226). Начав с библейской истории о том, что Адам дал название всему живому, автор перечисляет противопоставленные друг другу значения слов «Бог» и «Адам» в еврейском языке; затем переходит к сообщению о том, что греки и римляне также интересовались происхождением слов и написали много книг об этимологиях, отдельно упомянув словарь *Etymologicon Magnum* (у греков) и ученого Марка Варрона (у римлян). Далее Коссен сообщает о том, что, согласно некоторым, имена влияют на судьбу. Вслед за примером об Актеонах он перечисляет Аттисов (*Duo Attyes illustres fuerunt, alter Syrus, alter Arcas: uterque ab apro intersectus est* — ‘Было два знаменитых Аттиса, один сириец, другой аркадянин; оба они были убиты вепрем’), последовательность упоминания об их происхождении имеет сходство с фрагментом об Актеонах: *Syrus unus, alter in Arcadia*. Далее упоминаются два города — Хиос (на одноименном острове) и Смирна (в Малой Азии), которые, как отмечает Коссен, с греческого переводятся соответственно «фиалка» и «мирра» (*suavissimae plantae, violae & myrrhae*), — в одном Гомер родился, в другом умер. Затем рассказывается о двух Юлиях, двух Агриппинах, двух Фаустинах, о Цезарях, носивших имя Гай, об имени Глостер у англичан и Мюльберг — у немцев. Вслед за этими многочисленными примерами «бесполезного наблюдения» (*vanissimae observationis*) Коссен приводит противоположные примеры, когда носители одинаковых имен имели разную судьбу: Август и Августул, Константин I (Великий) и Константин последний (Палеолог). Далее в главе сообщается о многочисленных этимологиях, в которых значение слова часто сравнивается с его звучанием, среди них есть также пример о

---

⁶ Все просмотренные нами издания руководства Коссена содержат один и тот же текст. В других риторических руководствах, которые могли быть известны Ломоносову (Квинтилиан, Г. Фосс, Ф. Помей, Б. Лами, М. Радау, Ф. Прокопович, И. Готтшед и др.), ничего похожего на данный фрагмент из Коссена не обнаруживается.

греческом слове θεός (бог), происходящем от θεῖν (бежать), подкрепленный объяснением, взятым из *Etymologicon Magnum*⁷.

Из рассмотренной нами подробной главы Коссена в своем риторическом руководстве (§83) Ломоносов использует пример с этимологией слова «бог» для второго вида доказательства от имени. Для третьего вида доказательства он упоминает только об Актеонах и Гаях⁸ (таким образом, один выбранный им пример мифический, другой — исторический), затем переходит к противоположному примеру (когда носитель того же имени не имеет схожей судьбы) о византийских императорах Константинах⁹.

4. Несмотря на то, что Ломоносов предупреждал своих читателей, что не следует слишком увлекаться уподоблением соименных персонажей, русские поэты XVIII века не всегда внимали этому предостережению. И один из приведенных в «Кратком руководстве к красноречию» примеров, с именем *Константин*, получил развитие в послеломоносовской русской панегирической словесности. Речь идет об одном из самых

---

⁷ В этом греческом словаре, составленном неизвестным лексикографом в Константинополе в XII в., s.v. θεός сообщается, что «язычники считали первыми богами Солнце и Луну, которые постоянно двигаются по небу, как будто бегут» (*Etymologicon Magnum* 1816: Col. 404). Об истории этимологического соположения лексем *Бог* и *бег* см.: Ivanov 2009.

⁸ Ср. фрагмент о Гаях у Коссена и Ломоносова: *Caesares omnes, quibus Caii praenomen fuit, ferro periisse* ‘Все Цезари, личное имя которых было Гай, погибли от меча’ (Caussinus 1630: 226); и: ‘Римские кесари, которые Каии назывались, несчастливо умерли’ (Lomonosov 2011: 126).

⁹ Ср. фрагмент о Константинах у Коссена и Ломоносова: *Sed haec plena vanissimae observationis ostendunt exempla contraria Augusti, & Augustuli, Constantini primi, & vltimi; quorum hi Imperia fundarunt, illi fundata amiserunt* ‘Но то, что это полно бесполезного наблюдения, показывают противоположные примеры Августа и Августула, Константина первого и последнего; из которых эти [Октавиан Август и Константин I Великий] основали государства, те [Ромул Августул и Константин Палеолог] потеряли основанное (Caussinus 1630: 226); и: ‘<...> однако из того не следует, чтобы тому же и с другими одноименными случаться должно было, ибо весьма многие примеры противное тому показывают. Константин Великий в Царе-граде утвердил греческую империю, но, напротив того, на Константине Палеологе она окончилась, и между тем были другие государи того же имени, которых ни тому, ни другому уподобить нельзя’ (Lomonosov 2011: 126).

известных антропонимических сюжетов русской панегирической поэзии XVIII века — об уподоблении великого князя Константина Павловича и императора Константина Великого, связанном с так называемым «греческим проектом» Екатерины II: Константин должен был стать императором восстановленной Византийской империи, с территории которой Екатерина мечтала изгнать турок.

Как отмечает А. Л. Зорин, «очевидно, что ко времени рождения в 1779 г. великого князя Константина Павловича проект уже существовал в достаточно разработанном виде» (Zorin 2001: 33). Об этом, в частности, свидетельствует ода А. П. Сумарокова «Государыне Императрице Екатерине Второй, на день коронования Ея Сентября 22 дня, 1770 года», где есть такие строки:

Хор ангельский провозгласит:
Во вышних Богу буди слава.
Восторжествуй Палеолог;
В Софийский храм нисходит Бог,
И гибнет адская держава!

Поборствует России рок,
Возставить имя *Константина*:
Подвержется Тебе восток,
Великая Екатерина! (Sumarokov 2009: 153)

Интересно, что сама Екатерина пыталась опровергнуть слухи о значимости имен, данных ею великим князьям. А. Л. Зорин в книге «Кормя двуглавого орла...» приводит в русском переводе фрагмент письма Екатерины Ф. Гримму (написанного по-французски): «Позволено ли так обсуждать простые имена, которые даются при крещении. Надо иметь расстроенное воображение, чтобы к этому придирааться: должна ли была я назвать господина А. и господина К. Никодемом или Фаддеем? Святой первого находится в его родном городе, а второй родился через несколько дней после праздника своего святого» (Zorin 2001: 64). В переводе Зорина допущена неточность: Екатерина пишет, что Константин родился не «через несколько дней после праздника своего святого», а «за несколько дней до праздника своего святого»¹⁰. Видно, что императрица в определенном смысле манипулирует цифрами: великий князь Константин родился 27 апреля, а память его

¹⁰ «le second est né peu de jours avant la fête du sien» (SbRIO 1878: 148).

небесного покровителя, равноапостольного царя Константина, отмечается 21 мая (ст. ст.). Между этими двумя датами — почти целый месяц, а вовсе не «несколько дней». Зорин пишет, что Екатерина пыталась «отрицать очевидное — смысл имени Константин», при том, что, по словам исследователя, «политический смысл имени великого князя Константина Павловича был ясен всем с момента его крещения» (Zorin 2001: 62). Об этом свидетельствуют, в частности, оды, посвященные рождению великого князя. Например, в оде В. П. Петрова «На всевожденное рождение великого князя Константина Павловича» (1779) эксплицирована соименность Константина Павловича с Константином Великим, основателем Константинополя, победителем узурпатора Максенция:

Тезоименный исполину,
Максентий коим побежден,
Защитник веры, слава Россов,
Гроза и ужас чалмоносцов,
Великий Константин рожден (Petrov 2016: 132)

Далее в этой же оде используется характерный для «одической механики» прием (Proskurina 2006: 72): разверзаются небеса, и с небес к новорожденному великому князю обращается Константин Великий:

Раскрылось небо! во порфире
Стоит зря долу *Константин*,
И слышан глас его в эфире:
«Петрово Племя, Павлов Сын,
Кой перстом рока в мир извлекся,
И *именем Моим нарекся*;
Расти, мужайся, стани в бой.
Град, иже древле Мной основан,
Тебе во область уготован,
Определенно то судьбой» (Petrov 2016: 133).

Феномен соименности становится предметом поэтической рефлексии не только у Петрова, об этом же пишет и Г. Р. Державин в оде «На переход альпийских гор» (1799):

Кто витязь сей багрянородный,
Соименитый и подобный
Владыке византийских стран?
Еще Росс выше вознесется,
Когда и впредь не отречется
Несть *Константин* воинский сан (Derzhavin 1864–1883: 2, 290).

Здесь идет речь о том, что великий князь Константин Павлович принимал участие в итальянском походе Суворова.

В рассматриваемом нами фрагменте «Риторики» Ломоносов указывал, что Константином звали не только первого христианского императора Римской империи, перенесшего столицу в Византий (Константинополь), но и последнего византийского императора. Это соименство также могло быть частью формируемого аллюзивного образа великого князя. Косвенным подтверждением этого является фрагмент из оды Державина «На приобретение Крыма» (1784):

Магмет, от ужаса бледнея,
Заносит из Европы ногу,
И возрастает *Константин!*» (Derzhavin 1864–1883: 1, 185).

К этим строкам в «Объяснениях на сочинения» Державин помещает следующее примечание: «Отношение к Константину Палеологу, царю константинопольскому, с которого смертью пало греческое царство, и что наместо его возрастает великий князь Константин Павлович, которого государыня желала возвесть на престол, изгнав Турков из Европы» (Derzhavin 1864–1883: 1, 185).

Имя *Константин* упоминается у Державина еще раз — в оде «На взятие Измаила» (1790). В ней есть строфа, в которой говорится о важной геополитической роли Российской империи. Здесь, как поясняет Я. Грот, обращаясь «к Англии и Пруссии, которые оказывали самое сильное сопротивление видам России на Турцию», Державин пишет:

... Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афины,
Град *Константинов* *Константину*
И мир Афету водворить (Derzhavin 1864–1883: 1, 357).

Последние строки строфы сам Державин объясняет следующим образом: «Т. е. город Афины возвратить богине Минерве, под которою разумеется Екатерина <...> Константинополь подвергнуть державе великого князя Константина Павловича, к

чему покойная государыня все мысли свои устремляла» (Derzhavin 1864–1883: 1, 357). В поэтическом мире Державина предлагается возратить град Константина Великого тому, кто им никогда не обладал — Константину Павловичу, «новому Константину».

Рассмотренные примеры демонстрируют, что для русских поэтов второй половины XVIII века риторическая «логика» Ломоносова, который стремился отчасти ограничить полет поэтической фантазии в отношении обыгрывания соименства, уже не была актуальна: в русской панегирической поэзии, отражающей политический проект Екатерины, возник персонаж, которого можно было уподоблять одновременно Константину Великому, который «утвердил греческую империю», и Константину Палеологу, на котором «она окончилась», а также представить своеобразной «реинкарнацией» византийского императора и не видеть в этом никакого противоречия. Как видно, тоπος ἀπὸ τοῦ ὀνόματος, ставший в русской литературе эпохи барокко формой поэтического мышления (Sazonova 2002: 16), во второй половине XVIII века мог использоваться для конструирования политических проектов.

Литература

- Caussinus 1630: *De eloquentia sacra et humana libri XVI*. Lutetiae Parisiorum, 1630.
- Curtius E. R. 2021: *Evropeyskaya literatura i latinskoye Srednevekov'ye* [*Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*]. Т. II. Moscow. Курциус Э. Р. 2021: *Европейская литература и латинское Средневековье*. Пер., комм. Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. Т. II. М.: Издательский Дом ЯСК.
- Derzhavin G. R. 1864–1883: *Sochineniya. S ob'iasnitel'nymi primechanijami Ya. Grot*: in 9 tt. [Works. With notes of Ya. Grot. In 9 Vols.]. St. Petersburg.
- Державин, Г. Р. 1864–1883: *Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота*: в 9 т. СПб.: В типографии Императорской академии наук.
- Etymologicon Magnum 1816: *Etymologicon Magnum seu magnum grammaticae penu*, Friderici Sylburgii (ed.), editio nova correctior. Lipsiae: apud Io. Aug. Gottl. Weigel.
- Ivanov S. V. 2009: [From the history of one etymology: *beg* [running] — *bog* [God]]. *Russkaya literature* [*Russian Literature*]. 1. 127–133.
- Иванов С. В. 2009: Из истории одной этимологии: бег — Бог. *Русская литература* 1. 127–133.

- Keipert 1988: Keipert H. Nomen est omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts. *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen*. Akten des Heidelberger Symposions vom 28. bis 30. April 1986. Hrsg. von B. Panzer. Heidelberg: Winter. 100–132.
- Lomonosov M. V. 2011: *Polnoye sobranie sochineniy* [Complete Works]. T. 7: *Trudy po filologii 1739–1758 gg.* [Vol. 7: Works on Philology]. Moscow; St. Petersburg.
Ломоносов М. В. 2011: *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758. М.; СПб.: Наука.
- Lübker F. 1885: *Real'nyj slovar' klassicheskich drevnostej* [Reallexikon des classischen Alterthums]. St. Petersburg.
Любкер Ф. 1885: *Реальный словарь классических древностей*. СПб.: Изд-е Общества классической филологии и педагогики.
- Petrov V. P. 2016: *Ody. Pis'ma v stihah. Vybor Maksima Amelina* [Odes. Letters in Verses. Maksim Amelin's Choice]. Moscow. Петров В. П. 2016: *Оды. Письма в стихах. Выбор Максима Амелина*. М.: Б.С.Г.-Пресс.
- Plutarch 1994: *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Parallel lives]. V dvuh tomah. [In 2 Vols.]. Moscow.
Плутарх 1994: *Сравнительные жизнеописания*. В двух томах. Том II. М.: Наука.
- Proskurina V. 2006: *Mify imperii: Literatura i vlast' v epochu Ekateriny* [Myths of Empire: Literature and Power in epoch of Catherine the Great]. Moscow.
Проскурина В. 2006: *Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II*. М.: НЛЮ.
- Pseudo-Plutarch 2014: [Love Stories]. Transl. Rushkin I. *Antiquitas Aeterna*. 4, 459–468.
Псевдо-Плутарх 2014: *Любовные рассказы*. Пер. И. Рушкин. *Antiquitas Aeterna*. Вып. 4, 459–468.
- Sazonova L. I. 2002: [A Name in Rhetoric and Poetry of East Slavs in XVII c.]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. № 1. 4–22.
Сазонова Л. И. 2002: *Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян*. *Славяноведение*. № 1. 4–22.
- SbRIO 1878: *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 23. St. Petersburg. СБРИО 1878: *Сборник Императорского русского исторического общества*. Т. 23. СПб.: Типография Императорской академии наук.
- Sukhomlinov M. I. 1895: *Sochineniya M. V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M. I. Sukhomlinova* [Lomonosov's Works with Notes of M. I. Sukhomlinov]. Vol. 3. St. Petersburg.
Сухомлинов М. И. 1895: *Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова*. Т. 3. СПб.

- Sumarokov A. P. 2009: *Ody torzhestvennyia. Elegii l'ubovnyia* [Solemn Odes. Love Elegies]. Vroon R. (ed.). Moscow.
- Сумароков А. П. 2009: *Оды торжественныя. Елегии любовныя*. Издание подготовил Р. Вроон. М.: ОГИ.
- Wentzel G. 1893: Aktaion 1–4. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Hrsg. Wissowa G., Kroll W., Mittelhaus K. u. a. Stuttgart: Metzler. 1893. Band I, 1.
- Zorin A. 2001: *Korm'a dvuglavogo orla...: Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII — pervoy treti XIX vv.* [Feeding the double-headed Eagle.. Russian Literature and the State Ideology in the last third of XVIII — first third of XIX cc.]. Moscow.
- Зорин А. 2001: *Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX вв.* М.: Новое литературное обозрение.